

**С.Н. Касаткин**

доцент кафедры теории права и философии  
Самарского государственного экономического университета,  
кандидат юридических наук, доцент

## **“УПАДОК ГЛОБАЛИЗАЦИИ” И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕФЛЕКСИИ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Драматичные процессы в мире последних лет, включая пандемию COVID-19 и противостояние России и Запада вокруг Украины, во многом подорвали оптимистичные прогнозы о “конце истории” и всеобщей победе либеральных ценностей<sup>1</sup>. Все чаще говорится о кризисе прежних экономических, политических и социокультурных моделей миропорядка, об упадке глобализации<sup>2</sup>. Оказывая серьезное влияние на институты государства и права, эти процессы составляют важный предмет теоретического осмысления, требуя фиксации наметившихся тенденций и требуя пересмотра старых понятий и установок политико-правовой науки<sup>3</sup>. Данный мотив лежит и в основе настоящих тезисов, содержащих 1) очерк базовых смыслов и государственно-правовых следствий глобализации, и 2) рефлексия их трансформации в изменившейся обстановке.

***Глобализация, государство и право.*** Раскрывая концепт глобализации, ее можно представить как эмпирический факт, теорию и идеологию<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Fukuyama F.* The End of History and The Last Man. New York, 1992.

<sup>2</sup> См., напр.: *Дуткевич П., Казаринова Д.Б.* Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 79; *Проданов В.* От глобализации к деглобализации // Там же. С. 173; *Громыко Ал.А.* (Дез)интеграционные процессы: кризис “глобального мира” // Обозреватель. 2020. № 7. С. 24-38; и др.

<sup>3</sup> См., напр.: Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб., 2017; Контур будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб., 2018; Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб., 2019; и др.

<sup>4</sup> Подробнее см.: *Michaels R.* Globalization and Law: Law Beyond the State // *Michaels R.* Law and Society Theory. Oxford, 2013. P. 1-7; *Касаткин С.Н.* Государство, право и правовая теория: эффекты и вызовы глобализации // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 484.

В качестве *эмпирики* она отсылает к преобразованиям общемирового характера: либерализации и росту в мировой торговле и рынках, глобальной коммуникации, сетям, миграции, изменениям климата, растущей вестернизации и гибридизации культур, усилению взаимозависимости государств, интернационализации права. Глобализация раскрывается через параметры экстенсивности, интенсивности и скорости глобальных взаимодействий, через “глокализацию” — взаимное конституирование глобальных и локальных проблем, когда местные события могут иметь общемировые следствия, а мировые события материализуются на местах<sup>1</sup>.

В качестве *теории* глобализация связана с отрицанием “методологического национализма” и “вестфальской модели” права, центрирующих национальные государства как базовый элемент обществ модерна и методологическую рамку их изучения, и переходом к теориям мировой конвергенции, анализу мировой системы, концепциям «права и развития» и постколониализма<sup>[56]</sup>.

В качестве *идеологии* глобализация выступает политическим проектом или идеалом миропорядка. Примером таковых является идеология неолиберализации (роста индивидуальной свободы, эмансипации рынков от государства, создания нового *lex mercatoria*) или идеология космополитизма (единого, гомогенизированного мира, основанного на общих правилах, всемирном гражданстве и общечеловеческих ценностях)<sup>2</sup>.

В изложенном виде глобализация меняет базовые параметры государства и права<sup>3</sup>. Во-первых, она проблематизирует классическую *территориальность* государства и права, снижая эффект географических расстояний и официальных границ. Это обуславливает а) рост юридического значения нетерриториальных факторов и легитимация экстерриториальности права, б) усиление и гармонизацию международного трансграничного

---

<sup>1</sup> См.: Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Stanford, 1999. P. 14-28; Sousa Santos B., de. Toward a New Common Sense. 2<sup>nd</sup> edn. Cambridge, 2002. P. 179-180; Michaels R. Op. cit. P. 3-4.

<sup>2</sup> См.: Michaels R. Op. cit. P. 6-7.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Michaels R. Op. cit. P. 11-14; Касаткин С.Н. Указ. соч. С. 484-485.

сотрудничества, в) изменение статуса государственных границ от физических барьеров к формальным критериям правоприменения, г) формирование новых аспектов юрисдикции (киберпространство и пр.)<sup>1</sup>.

Во-вторых, глобализация влияет на *население* государства, традиционно связанное с государствообразующей нацией и гражданством. Увеличение миграции ведет а) к либерализации оснований приобретения гражданства, признанию б) института бипатризма / полипатризма, а также в) равноправия граждан и иностранцев. Усиливается и роль негосударственных / транснациональных идентичностей лица, признаваемых государством в свете начал мультикультурализма и правового плюрализма<sup>2</sup>.

В-третьих, глобализация оспаривает монопольную *организацию власти*. Растет глобальная взаимозависимость государств, их включенность в трансграничные альянсы с делегированием полномочий, гармонизацией права и пр., ведя к “упадку” / “разделению” классического суверенитета. Повышается роль религиозных, этнических, экономических регулятивов, учитываемых государством через их а) трансформацию в нормы государственного права или б) включение как его подсистем, либо в) через их признание в качестве значимых для правоприменения фактов<sup>3</sup>.

В-четвертых, следствием глобализации является всемирный правовой плюрализм, противостоящий пониманию *права как* референтной государству *единой системы* (“вестфальская модель”). Образуется тесная взаимосвязь и одновременно конкуренция поднациональных, государственных, международных и негосударственных элементов регулирования, ведя к

---

<sup>1</sup> См.: Globalisation and Jurisdiction / ed. by P. J. Slot, M. Bulterman. Dordrecht, 2004. P. 105; Beyond Territoriality: Transnational Authority in an Age of Globalization / ed. by G. Handl, J. Zekoll, P. Zumbansen. Leiden ; Boston, 2012; Michaels R. Op. cit. P. 11-12.

<sup>2</sup> См.: Michaels R. Op. cit. P. 11-12. См. также: Kofman E. Citizenship, Migration and the Reassertion of National Citizenship // Citizenship Studies. 2006. № 9. P. 453 ff.; Falk R. The Decline of Citizenship in an Era of Globalization // Citizenship Studies. 2000. № 1. P. 4 ff.

<sup>3</sup> См.: Michaels R. Op. cit. P. 12-14.

размыванию границ национального и международного, частного и публичного, государственного и негосударственного права<sup>1</sup>.

**“Деглобализация”:** базовые тренды. Краткая история XXI века оказывается насыщенной различными событиями мирового значения, во многом изменившими прежние образцы и образы глобализации. Сегодня можно говорить о новых трендах в организации внутригосударственных и международных отношений.

Во-первых, это рост бедности и социального расслоения, разрушение среднего класса, атомизация обществ, усиление социальной напряженности, общее углубление мирового экономического кризиса, экономического неравенства и конфликтности между странами и регионами<sup>2</sup>.

Во-вторых, это изменение мирового баланса сил, ее “сдвиг” от глобального Севера к глобальному Югу, от Америки и Европы к Юго-Восточной Азии: “коллективный Запад” утрачивает монопольное господство на фоне усиления роли иных регионов в управлении глобальными и региональными процессами<sup>3</sup>.

В-третьих, это кризис неолиберализма как экономической модели и политико-правовой идеологии, выступающей инструментом гиперглобализации и обслуживающей интересы финансовой олигархии, транснационального капитала и правящих элит, воспитанных на принципах “Вашингтонского консенсуса”, однополярного мира, военных интервенций и пр.<sup>4</sup>

В-четвертых, это кризис глобальных политических институтов и усиление роли / власти национальных государств, ведомых своим “национальным эгоизмом” и ориентированных на обеспечение своей

---

<sup>1</sup> См.: *Berman P.S.* Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders Cambridge, 2012; *Richards S.* Globalization as a Factor in General Jurisprudence // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2012. Vol. 41 P. 129; *Twining W.* Globalisation and Legal Theory. Cambridge, 2000. P. 82-88. См. также: *Michaels R.* Op. cit. P. 11-12.

<sup>2</sup> См., напр.: *Громыко Ал.А.* Указ. соч. С. 25 и посл.; *Дуткевич П.* Ключевые противоречия мирового порядка // *Контур будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб., 2018. С. 76.*

<sup>3</sup> См., напр.: *Дуткевич П., Казаринова Д.Б.* Указ. соч. С. 80; *Громыко Ал.А.* *Метаморфозы политического либерализма // Современная Европа. 2020. №2. С. 9 и посл.*

<sup>4</sup> См.: *Громыко Ал.А.* Указ. соч. С. 17 и др.

автономии в международных отношениях, своего “экономического”, “политического”, “технологического”, “информационного”, “культурного” и т.п. суверенитета<sup>1</sup>.

В-пятых, это сдвиг от выстраивания глобальных универсальных политико-правовых пространств к фрагментации международных отношений, их регионализации — к формированию экономико-политических зон и военных альянсов вокруг наиболее сильных мировых держав<sup>2</sup>.

В-шестых, это проблематизация прежних стандартов прав человека и гражданина, их границ и перечней / иерархий (приоритета политических прав перед социально-экономическими): растет авторитаризация государственного управления, расширяются основания ограничений прав личности (обеспечение здоровья, безопасности, политической морали), сворачиваются институты социального государства<sup>3</sup>.

В-седьмых, размываются прежние образцы морали, рациональности, самоидентичности, усиливается чувство неопределенности и страха перед стремительными и трудно предсказуемыми изменениями как на индивидуальном уровне, так и на уровне обществ, углубляется кризис доверия к существующим политическим институтам и стандартам поведения (кризис нормативности и легитимности)<sup>4</sup>.

Изложенные тенденции существенно меняют облик современного мира, однако, их вряд ли следует считать “концом глобализации”, параметры которой в целом сохраняются и в качестве эмпирики, и в качестве теоретической рамки рассуждений. Скорее, речь должна идти об определенной стадии мировых процессов, об упадке определенной (западноцентричной, неолиберальной) модели глобализации, и соответственно, о кризисе соответствующей глобалистской идеологии.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Громыко Ал.А.* (Дез)интеграционные процессы: кризис “глобального мира”. С. 27 и др.

<sup>2</sup> См., напр.: Там же; *Дуткевич П.* Указ. соч. С. 74-75.

<sup>3</sup> См., напр.: *Громыко Ал.А.* Указ. соч. С. 27-28.

<sup>4</sup> См., напр.: *Дуткевич П., Казаринова Д.Б.* Указ. соч. С. 11-12; *Шолте Я.А.* Легитимность в глобальном управлении - краеугольный камень предсказуемости мирового развития // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб., 2019. С. 240 и посл.

*“Деглобализация” и правовые ценности.* С одной стороны, ценности выступают основой существования социальных институтов, используемых моделей восприятия, мышления, поведения, с другой — это компонент, который сам укоренен в социальных практиках, и является предметом активного формирования, манипулирования, что обуславливает повышенное внимание к их обсуждению и концептуализации.

Отмеченные изменения в глобальных трендах прямо отражаются на рефлексии связанных с правом ценностей, предполагая их инвентаризацию, переоценку, в том числе, потенциально, отказ от “ненадежных и дискредитировавших себя” ценностных образцов и матриц. Это особенно важно в текущем контексте межгосударственных противостояний, когда разрушается единое смысловое политико-правовое пространство, основанное на принципах и процедурах международного права, когда активно практикуются пренебрегающие правом стратегии и приемы, двойные стандарты и ангажированные оценки, а “общечеловеческие ценности” используются как экономический, военный и т.п. ресурс. Как представляется, подобные события, требуя учета, не означают или не должны означать автоматического отказа<sup>1</sup> от традиционно ассоциируемых с Западом ценностей гарантированной свободы личности, демократического политического устройства, юридического верховенства и определенности, разделения властей, независимости суда и т.п. — эти ценности имеют огромное значение для современного права и государства и закреплены во многих конституциях, включая Конституцию Российской Федерации, не говоря о том, что таковые не являются монополией какого-либо политического субъекта / общности. Скорее, следует вести речь о переосмыслении данных ценностей в новом

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Ромашов Р.А.* Право как явление национальной культуры: проблемы соотношения интерпретаций // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Краснодар, 2016. С. 45–53; *Каландаришвили З.Н.* Специфика и особенности российской правовой культуры в контексте исторических преобразований // Право и государство: культурологическое измерение : II Междунар. науч.- практ. конф. СПб., 2017. С. 32–34. Подробнее см. также: *Касаткин С.Н.* Культурный плюрализм, пароклиальность правовых понятий и рецепция инокультурного опыта // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб., 2018. С. 503.

историческом контексте: о нахождении нового баланса между ценностями либерализма, консерватизма и коллективизма<sup>1</sup>, мировыми, региональными и национальными ценностями<sup>2</sup>, ценностями права и иных социокультурных регуляторов<sup>3</sup> и пр. На фоне девальвации юридических критериев и инструментов в международных и внутригосударственных отношениях особая задача правоведа видится в высвечивании идущих в разрез с ними образцов мышления и действия, в продвижении ценностей российской Конституции и ценности самого права<sup>4</sup> как одного из системообразующих механизмов самосохранения и развития личности и современных обществ.

---

<sup>1</sup> См.: *Громыко А.А.* Метаморфозы политического либерализма. С. 17 и др.

<sup>2</sup> См., напр.: *Дуткевич П.* Указ. соч. С. 75-76.

<sup>3</sup> См.: *Коттерелл Р.* Правоведы и философы: Радбрух и Дворкин // *Правоведение*. 2013. № 2. С. 225–229. Подробнее см.: *Касаткин С.Н.* Миссия правоведа в условиях глобальной нестабильности: концепция Роджера Коттерелла // *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения*, 22–24 мая 2019 г. СПб., 2019. С. 488-450.

<sup>4</sup> См., в частности: *Пермяков Ю.Е.* Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. Гл. 1; *Мартышин О.В.* Тенденции развития российской правовой системы в новой международной обстановке // *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения*, 22–24 мая 2019 г. СПб., 2019. С. 508 и др.